

Глава 1.

Происшествие на дороге

Лето подошло к концу. Осень, пока несмело, пока ненавязчиво, заявила о своих правах: ранними сумерками, ночной прохладой, тихими долгими дождями и особенным, ни с чем не сравнимым запахом влажной земли. Машенька Журавлёва закрыла глаза и глубоко вдохнула. Она улыбалась, чувствуя, как ветер треплет её непослушные белокурые волосы и игриво натирает щёчки до появления свежего румянца.

– Золотце, закрой окно, – попросила мама, оторвав от уха с большой, в виде ягодки винограда, серёжкой серебристый мобильный телефон. – Насморк нам не нужен. Завтра в садик.

Мама всегда так делала: вела машину и щебетала по телефону, обсуждая с подружками последние новости. Папа не раз ругал её за это, говорил, что за рулём отвлекаться не стоит, что такая беспечность когда-нибудь доведёт до беды. Но мама не слушала его. Она вообще никого не слушалась, любила всё делать по-своему. Вот и сейчас, небрежно бросив через плечо указание дочке относительно окна, мама продолжила увлечённо щебетать:

– Слушай, Анжелка, ну ты даёшь! Я бы так не смогла. Я бы так не сделала...

На дорогу выскочила чёрная собака размером с раскормленного телёнка. Мама нажала на тормоза. Машина, противно взвизгнув, резко повернула влево и упёрлась носом в пыльную траву на обочине. Телефон выбросило в окошко, прямо в колючие заросли чертополоха. Шур-шур – всё шуршали колёса, недоумённо переговариваясь друг с другом. Мол, что случилось? Как это так?

А собака как ни в чём не бывало растянулась на асфальте, подставив осеннему солнышку чёрные лохматые бока. Над ней склонился неизвестно откуда взявшийся убогий старик в лохмотьях. Он причмокивал губами и осуждающе качал огромной, словно раздутой, головой, на которой красовалась не по сезону тёплая шапка – зелёный берет с рыжей меховой опушкой. Слишком большой даже для такой тыквоголовы, как у старика, берет непременно сполз бы набок, если бы не красные ленты, завязанные бантом под узким небритым подбородком.

– Эй, дамочка! – гневно крикнул незнакомец, тыкнув грязным пальцем в капот. – Смотреть на дорогу надо, а не по телефону трещать! Чуть не задавила мою животинушку... И кто вам только права выдаёт?

– Не бойся, всё хорошо, – успокоила мама Машеньку, которая, пискнув от страха, вжалась в спинку сидения.

Невозмутимо оправив узкую юбку и примерив на лицо дружелюбную улыбку, мама вышла из машины. Дверца осталась открытой. Маша провожала её испуганным взглядом. Она сама не знала, почему, но что-то в облике странного старика в шапке казалось ей зловещим.

– Уважаемый, – подчёркнуто вежливо обратилась к незнакомцу мама, – но ведь ваш пёс цел и невредим? Зачем тогда ругаться?

– Это девочка... Черныш её зовут... – угрюмо буркнул старик.
– Ага, понятно. Девочка?.. И Черныш? – пожал плечами мама и по привычке деловой леди достала из кармана изящного жакета купюру. – Это вам в качестве компенсации.

Весь вид её говорил: сумасшедший, что с него взять? Небрежно бросив деньги старику, мама отвернулась, даже не удосужившись проверить, поймал ли их убогий. Цветная бумажка потрепетала немного на ветру и плавно опустилась у ног незнакомца. Старик не взял деньги, набрал побольше слюны в рот и плюнул на купюру, припечатав её к растрескавшемуся асфальту.

Мама таки заметила плевок. Подобная выходка рассердила её не на шутку. Копаясь в траве в поисках обронённого телефона и время от времени бросая взгляды на оплётанные деньги, она бубнила:

– Сумасшедший... Грубиян!

Пока двуногие выясняли отношения, собака, из-за которой загорелся весь этот сыр-бор, встала, сладко потянулась и потрусил к машине. По-хозяйски засунув любопытный нос в салон, она уставилась на девочку густо-чёрными, не по-собачьи умными глазами.

Маша любила животных. Всегда находился какой-нибудь котёнок, которого она брала под свою защиту. Тайком, чтобы мама не ругалась, малышка стаскивала из холодильника колбасу, а из старых вещей мостила своим пушистиком уютные гнёздышка. Но вот собаки? Они ведь зубастые?! Их, признаться, девочка побаивалась.

На всякий случай Машенька отодвинулась подальше от мохнатой гостии. А вдруг укусит? Собака, к её облегчению, вела себя дружелюбно: зевнула и положила голову на водительское сидение, не сводя, впрочем, с девочки пристального взгляда. У Маши сложилось впечатление, что Черныш изучает её, приценивается. Вдоволь наглядевшись, собака коротко гавкнула и метнулась в кусты, перепрыгнув через голову Машиной мамы, которая, наконец, нащупала в траве свой телефон.

– Ай-ай-ай, разбился, – причитала мама.

Тук, тук – неожиданно постучал по стеклу старик. Девочка вздрогнула. На неё смотрели два белых, абсолютно белых глаза. Круглых, как блюдца. И никаких бровей. Старик улыбнулся, показав мелкие, на удивление здоровые зубы.

– Скоро начнётся сказка, – прошептал незнакомец. – Тебя уже ждут.

– Ай-ай, – не унималась мама, оплакивая свой телефон, – родненький, как же я теперь без тебя?

Машенька сочувственно посмотрела на маму и снова прильнула к окошку, однако за стеклом, покрывшимся мелкими капельками (дождик припустил!), уже никого не было. Станный старик исчез так же неожиданно, как и появился.

Рядом фыркнула мама, устраиваясь в кресле.

– Ходят тут всякие, тьфу! – процедила она сквозь зубы, а затем, бросив взгляд на телефон, всхлипнула: – Ай-ай, милый мой, разбился... Ай...

Глава 2.

Любимые игрушки Машеньки

После месяца, проведённого в деревне у бабушки, Машенька вернулась домой. Посвежавшая, загорелая. Её роскошные белокурые кудри, щедро приглубленные южным солнышком, приобрели янтарный блеск. Будто лучики, собранные в два пышных хвостика, ниспадают они до нежных детских плеч. Со стороны, пожалуй, многим кажется, что девочка светится изнутри, а голову её венчает золотой лучистый нимб. Как на любимой иконе Машиной бабушки, что в углу стоит, у самого окна.

– Золотце наше! Наш Солнечный Зайчик! – раскрыл объятия, встречая дочку, папка.

Его усы кололи шею и щёку Машеньки, но девочка не жаловалась, теснее прижималась к отцу, соскучившись по его запаху, по его ласке. Вот по кому она скучала больше всего! А ещё по друзьям из детского садика и двора. Их у Маши много, особенно из числа мальчишек. По застеленной розовым покрывалом кровати, на которой слаще всего спится. По игрушкам, книжкам, карандашам – по всему тому родному и милому, что зовётся домом.

Даже по ночному грохоту вагонов, которые сталкиваются, соединяясь в состав! Шум железнодорожного депо, расположенного поблизости с домом, где проживают Журавлёвы, особенно раздражает маму. Как только вечер на порог, она начинает ворчать на папу, Машу и на весь свет, жаловаться, грозя кулаком в сторону окна, что опять не сможет из-за них, железяк окаянных, уснуть. И ведь действительно не уснёт, пока не засунет в уши ватные беруши.

А вот Машенька к грохоту, как ни странно, привыкла. Он ей по-своему нравится. Лёжа в кровати, девочка представляет себе, что где-то там, в поле, борются закованные в доспехи великаны, бьются грудь с грудью, высекают мечами искры. Всё из-за чего? Из-за любви, конечно! К некой прекрасной даме, у которой, как положено в сказке, звезда во лбу горит, а из-под косы месяц серебристый выглядывает.

– Хи-хи, – часто смеётся, натянув до подбородка одеяльце, Маша, когда фантазирует вот так, перед сном. – Интересно, эта сказочная красавица, когда голову моет, вынимает месяц из-под косы? Хи-хи... Он ведь может заржаветь? Или месяцы не ржавеют? Хи-хи!

Машенька очень любит мечтать и фантазировать. Хотя какой ребёнок этого не любит? Ведь в мечтах так легко играется! И неважно, что у тебя в руках: дорогие куклы, которые обычно покупает мама, или какая-нибудь чепуха. Это мамино слово – чепуха. Она всегда так говорит и брезгливо поджимает губы, застав дочку за играми с «неприличными», то есть не из фирменных магазинов, игрушками.

«Мама не понимает, – сердится малышка, – что так интереснее, что гораздо приятнее придумать самой игрушку, а затем состряпать её своими руками».

Другое дело – Петюнька с Яшкой. Лучшие друзья! Они понимают Машеньку. Они и научили её фантазировать с чепухой. Особенно горазд на выдумки Петюня. Головастый мальчик! Если нужно придумать что-нибудь красивое, романтическое, без него не обойтись. Это он, между прочим, назвал Машу Солнечным Зайчиком! И теперь с его подачи девочку с золотистыми локонами все так зовут – и на улице, и дома. Яшка же больше по шалостям мастер, что тоже иногда неплохо.

– Здравствуйте, мои дорогие! Здравствуйте, мои родные! – торжественно здоровается Маша и, от волнения закусив губу, достаёт из-под письменного стола коробку с «драгоценностями» – шахматными фигурками, крупными, вырезанными из дерева неизвестным мастером.

Их папка нашёл как-то на лавочке, во дворе. Долго потом он соседей расспрашивал, чьи шахматы, но, так и не найдя хозяина, принёс коробку домой. Поскольку в доме Журавлёвых шахматами никто не увлекался, находку отдали Машеньке.

– Пусть балуется, – сказал папка, почесав лысину.

Вот и балуется дочка: налепила на фигурки пластилин – это волосы, обмотала их блестящими фантиками от конфет – это платья и фраки. Из домино и шашек, которые Машенька тоже присвоила, она обустроила в деревянной коробке дворцовые покои для своих шахматных человечков.

«Не нужна мне дорогая кукла, – размышляет, облокотившись о стол, Солнечный Зайчик. – Возьму-ка я белый пластмассовый кувшинчик, вставлю в него дулом вниз водяной пистолет – подарок Яшки. Зачем он мне? Не по воробьям же стрелять? А так сойдёт за «лицо» фигуристой «куклы». Чем кувшин не фигура? И талия, и бёдра имеются, и даже грудь! Привяжем к рукоятке ленточки или ниточки. Получаются отличные волосы! Из пластилина налепим глаза, нос, губы. Вот краля выйдет! Загляденье!»

Если скучно играть дома, Машенька закапывает во дворе клад. Мальчишки ей всегда помогают искать для клада НУЖНЫЕ вещи. Бусинки, например, монетки, камешки необычной формы, ракушки и прочие диковинки. Нередко в поисках участвует Вовка – известный на весь двор хулиган и забияка. Его все побаиваются, в том числе Яшка, который и сам не против похулиганить. В том смысле, что фингал обидчику запросто поставить может...

Но это ладно. Солнечный Зайчик разным мальчишкам позволяет за собой ухаживать: и тихоням вроде Петюньки, и драчливым, как Яшка с Вовкой. Ей интересно наблюдать, как соперничают мальчишки, как борются за её внимание. Прямо как те воображаемые великаны, громящие по ночам железом из-за дамы со звездой и косой, под которой месяц. Только мальчишки доспехами не звенят, а локтями толкаются и коленками пинаются, норовя первым протиснуться к Машеньке и протянуть ей на ладонке пёрышко, скрепку, брелок, огрызок карандаша, спичечный коробок, фрагмент от разорванной цепочки или засушенный цветочек... Всё это «добро» помещается в ямку, цветным стёклышком закрывается и прикапывается. А на следующий день раскапывается, поскольку малышам непременно надо знать, цел ли клад.

После чего перепрыгивается в другое место, которое надёжней. И так много раз, по всему двору, до автостоянки, где начинается асфальт и копать уже негде...

Да, фантазировать Машенька любит, и получается это у неё исправно. Порой и выдумывать ничего не нужно для своих игр. Фантазии сами находят девочку и вовлекают её в игру. Самую интересную и забавную игру в мире!

Глава 3. Лица в зеркале

Маша всегда любила подолгу купаться в тёплой ванне. Она брала с собой кучу пластмассовых и резиновых игрушек, на руку наматывала длинную жёлтую мочалку, представляла себе, что это хвост русалки, и от души плескалась, разговаривала разными голосами, рассказывая самой себе сказку. Частенько девочка так увлекалась водными процедурами, что забывала о времени. Мама покрикивала на неё из-за двери:

«Простудишься! Вода уже давно остыла!» Папка же шутил, что его Солнечный Зайчик когда-нибудь превратится в лягушку. Где тогда он будет искать сказочного принца, чтобы расколдовать квакушку обратно в его любимую дочурку? С принцами в нашей стране напряжёнка!..

– Маша, иди купаться, – позвала из ванной мама. – Только игрушки не бери. Уже поздно. Нечего часами в воде отмокать. Знаю я тебя... Не бери!

– Ну, мам? – жалобно пискнула малышка. – Я только одну? Дельфинчика белого можно? Или лебедя? Или крокодила?

– Нельзя, – строго сказала мама, сложив руки на груди. – Времени мало. По-быстрому давай. И сразу же в постель. Завтра рано вставать.

– Ой, – горько вздохнула Машенька, расстёгивая пуговицы клетчатого платья, – так же скучно?

От обиды, чтобы немного отомстить маме, девочка, та ещё строптивница, налила в воду щедрую порцию ароматной жидкости из голубой бутылки. Маминой! Насколько помнила Маша, это был дорожный шампунь. Мама никому не разрешала пользоваться своей косметикой. Ведь эксклюзив! Импортный!

– Ля-ля-ля, – тоненько запело довольная Машенька, поднимая из шипящей белой пены то одну, то другую ножку с розовыми пяточками.

Душистый пар зашторил тесную ванную комнатку, осел сизой дымкой на круглом зеркале над умывальником. Постепенно остывая, зеркало заплакало. Несколько пузатых капелек растеклись по его запотевшей поверхности, оставляя за собой причудливый рисунок. Там, где дорожки, прокладываемые каплями, пересекались, появлялись глаза, нос, губы. Глаза моргали, тонкий нос раздувал ноздри, вдыхая сладкий аромат шампуня, губы улыбались. Вслед за первым лицом показалось второе, абсолютно такое же, как первое, за вторым – третье. Загадочные лица

поглядывали друг на друга и кивали в сторону Машеньки, будто соглашались с чем-то, одобряли.

Девочка ничего не замечала, продолжала намыливать плечики и петь весёлую песенку, слова которой она тут же придумывала. Это игра такая: поёшь обо всём, о чём думаешь.

– Вот я плечики намылила, ля-ля-ля, – пискляво затянула малышка, – ля-ля-ля, водичкой сполоснула, ля-ля.

– Ты там зубы почистить не забудь, певунья, – напомнила мама, постучав с той стороны в дверь, – и закружляйся давай.

Машенька вздохнула, потянулась за зубной щёткой, которая стояла в стаканчике перед зеркалом, и обомлела: за ней внимательно следили шесть любопытных глаз! Смотрели и моргали. Моргали и смотрели. А когда Машенька убрала руку с щёткой и тюбиком зубной пасты, три лица дружно, словно по команде, улыбнулись.

– Ма-а-ам! – со страха позвала девочка.

Лица, отпечатавшиеся на пару, удивлённо подняли брови.

– Ой, мамочка!!! – взвизгнула Маша.

Дверь распахнулась. Мама, на ходу накручивая волосы на бигуди и всем своим видом показывая, что недовольна (она всегда была недовольна, когда её отрывали от любимого сериала), спросила:

– Ну, что случилось? Ты зубпочистила?

Девочка настолько была напугана, что не могла толком объяснить маме, в чём дело. Она только указывала рукой, в которой всё ещё сжимала тюбик с щёткой, на зеркало.

– Что-о-о? – мама недоумённо уставилась на умывальник.

– Выше смотри, – оправившись от испуга, пояснила Машенька. – Видишь там, в зеркале? Кто-то оттуда смотрит?!

Мама, пожав плечами, приблизила лицо к зеркалу. Три лица игриво подмигнули маме в бигудях, но, убедившись, что их подмигивания не возымели действия, поскольку мама ничего не видела в запотевшем зеркале, скривились и все разом сплонули:

– Тьфу-у-у!

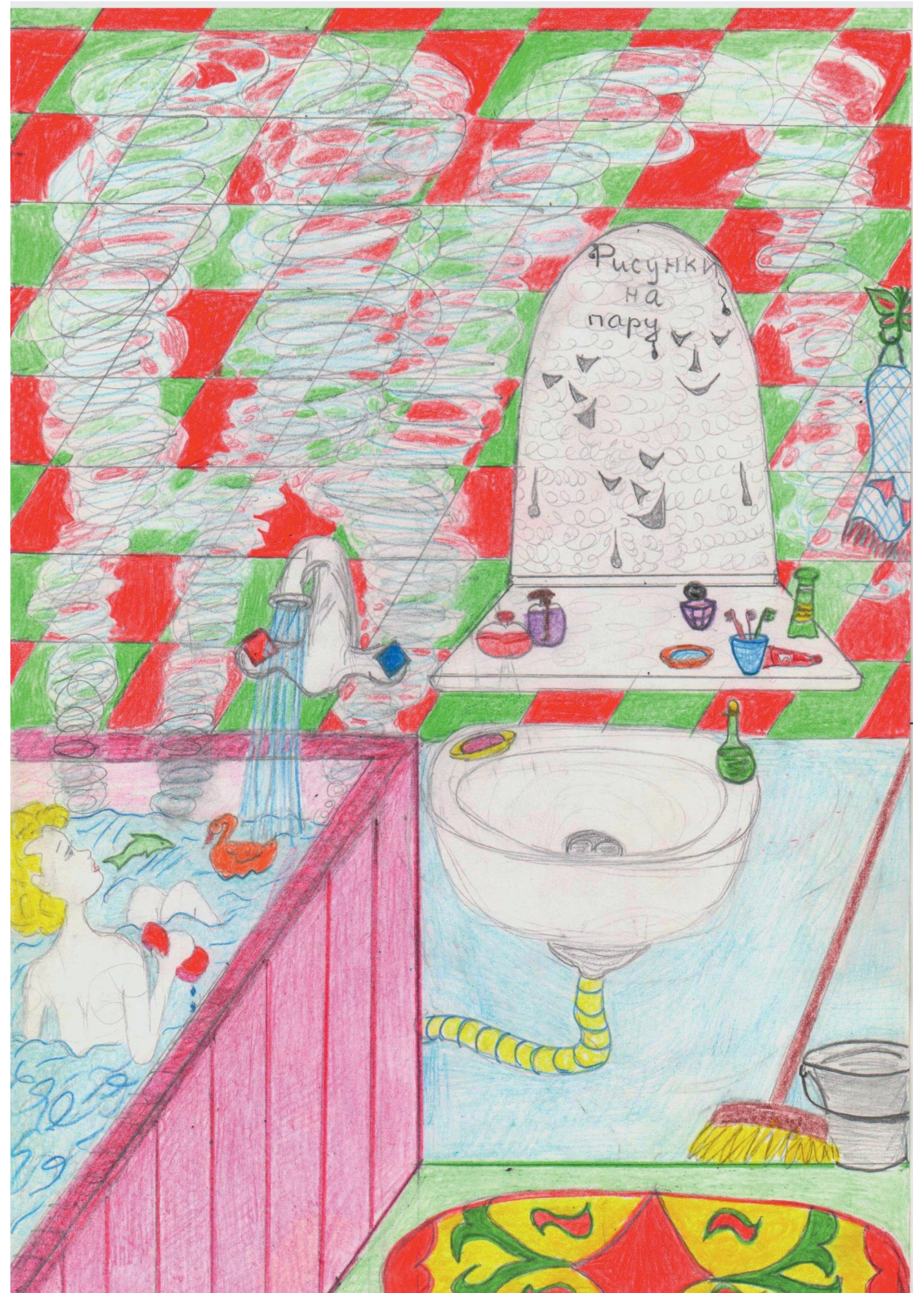
Маша готова была поклясться, что услышала их! Три капли извилисто поплыли вниз, к полочке, где стояли разноцветные баночки, бутылочки, тюбики и в жёлтой мыльнице розовое детское мыльце.

– Что за глупости? – рассердилась мама. – Вечно ты что-нибудь придумываешь, лишь бы время потянуть. И вообще, чем это здесь пахнет? Ты что? Ты брала мой шампунь?!!

– Я... Это... Того... – неуклюже оправдывалась девочка, чем насмешила лица в зеркале, которые ехидно захихикали.

– Ну же, Марья Журавлёва? – повысила голос мама, назвав дочку по фамилии, что означало – мама ОЧЕНЬ рассержена.

Назревала нешуточная гроза. К счастью, вмешался папка, чья круглая лысая голова просунулась в дверной проём. Папа всегда выручал Машеньку в таких, как сейчас, сложных ситуациях.

– Милая, – уткнулся подбородком в мамину шею отец, – там Хулио делает предложение Лусинде. Твой любимый эпизод. Пропустишь ведь?

– Э-э-эх, – махнула рукой мама. – Вы сговорились, что ли? Хоть бы раз меня поддержал! Э-э-эх...

Последние слова прозвучали уже за дверью, которую неплотно прикрыли, и она начала со скрипом открываться, выпуская пар. Маша, насупившись, обтиралась полотенцем и то и дело бросала на зеркало хмурые взгляды.

– Ух, – не выдержала всё-таки малышка и погрозила кулачком смешливым рожицам. – Я вам дам! Ишь ты? Вздумали надо мной смеяться?

– Хи-хи! Хи-хи! – расплылись в улыбках лица и размазались, поскольку вода остыла и весь пар развеялся.

В зеркале прояснилось. Маша стала на цыпочки и, наклонив голову набок, рассматривала его, но таинственные изображения на стекле исчезли. По ту сторону умытой зеркальной глади только её собственное отражение недоумённо хлопало ресницами.

– Было это или нет? – спросила саму себя девочка и провела пальцем по стеклу.

– Нет? Или это было? – спрашивало её отражение, произнося слова в обратном порядке.

Глава 4. Сюрприз

– Солнечный Зайчик! Солнечный Зайчик! – кричали ребята, встречая Машеньку, и хлопали в ладоши.

Шутка ли? Целый месяц они не видели всеобщую любимицу!

Особенно старались показать свою радость Яшка Ермолаев и Вовка Заречный, которые зачем-то высунули языки, будто щенки, испытывающие жажду.

«Если бы у них были хвосты, они, наверное, ими сейчас виляли?» – подумала вдруг Маша и улыбнулась этой своей нелепой мысли.

Петюнька Ложкин, скромно потупившись, стоял в сторонке и вздыхал. Временами, когда девочка отворачивалась, он поднимал голову и нежно смотрел на своего Солнечного Зайчика. В такие моменты его добрые карие глаза, спрятавшиеся за огромными уродливыми очками, светились надеждой и лаской. Но стоило Машеньке повернуться к Петюне лицом, он снова превращался в незаметный, безмолвный столб, который, разве что, иногда вздыхает.

После обеда, когда Галина Сидоровна отдала приказ «Отбой!», малыши и малышки разбрелись по своим кроваткам. Маша потянулась и сладко зевнула, радуясь возможности отдохнуть. Ночью ей не удалось хорошенько выспаться. Всё не лезли из головы мысли о странных событиях прошедшего дня: сначала собака и белоглазый нищий, затем эти рисунки в зеркале. Да и вообще, девочка (вся в папу!) очень любила послеобеденный сон. В отличие от некоторых... Таких, как рыжий Яшка, который топтался сейчас, как глупый бычок, у изголовья

Машиной кровати и громко сопел. За его спиной спрятался щупленький Петюнька. Как всегда, малыш жутко стеснялся.

– Мы тут... Тут мы... Вот... – от волнения писклявым голосом начал объяснять что-то Яшка, но запнулся, не найдя нужных слов.

– Сюрприз вот приготовили, – вместо друга закончил Петюня, несмело выглянув из-за Ермолаевского плеча.

– Да? – сделала вид, что удивилась Маша.

Подозрительное поведение этих двух мальчишек, с самого утра ходивших за ней гуськом, улыбающихся и молчавших, навело её на мысль, что стоит ждать сюрпризов. Только вот приятных ли?

Яшка вытер пальцем конопатый нос, хотя тот был совершенно сухой, почесал правую бровь, поковырялся в ухе, хотел сплюнуть, но вовремя одумался. Петюня, видя такое безобразие, дёргал друга за рукав. Да, оба мальчика явно нервничали!

– Ну что же вы? – не выдержала Машенька и всё-таки решила подбодрить друзей. – Смелее давайте. Я не кусаюсь. Что у вас там случилось?

– Э-э-э, – смешно заёкал Ермолаев.

Петюнька махнул на него рукой, закрыл глаза и так, крепко зажмурившись, шагнул вперёд и протянул Солнечному Зайчику коробку из-под пластилина. Старую, потрёпанную, засаленную.

Маша таки удивилась. Бровки домиком выдавали её растерянность. Неужели мальчишки так нервничают из-за картонной коробки, из-за обыкновенного пластилина?

– Это мне? – спросила девочка.

Ей передалось волнение друзей, и она всё время поправляла свои белокурые пышные волосы, отчего они только растрёпывались.

– Тебе, – разом кивнули Петюнька с Яшкой.

– Пластилин? – совсем растерялась Маша, которая, открыв коробку, ничего, кроме ожидаемого пластилина, в ней не обнаружила. Да и тот был использованный...

– Это не простой пластилин, – поспешил заверить её Яшка.

– Это пластилиновые буквы, – уточнил Петюня. – Волшебные!

– Да, это ключ, – вернул себе слово Ермолаев, – с помощью которого можно открыть дверь в сказку. У каждого, понимаешь, сказка своя, но ключ общий – буквы. Нужно только назвать их по именам.

– Вот это, – перебил друга Петюнька, указав пальцем на букву «А», – Абра-ар. Профессор! Буква «Б» у нас Бурундун. Он заикается, бурчит и ходит босиком. «В» – это Вьюга-вьюн. Хулиганистый, скажу я, субъект.

– Держи подальше от него свой нос, – подсказал Яшка.

Петюня хихикнул, чем вогнал в краску своего друга.

– Понимаешь, – принялся объяснять Ложкин, поймав вопросительный взгляд Солнечного Зайчика и не обращая внимания на кулак, которым грозил ему Яшка, – Вьюга-вьюн любит раздавать щелчки. Яшенька успел опробовать это на собственном носе.

– Ха-ха! – засмеялась девочка, представив себе, как пластилиновая буква щёлкает по носу Ермолаева.

– Кстати, насчёт смеха, – поднял палец Петюня. – На смехе у нас специализируется Гагатун – буква «Г».

– Да, только и делает, что хохочет, – буркнул нахмурившийся Яшка. Маша внимательно всматривалась в лица своих друзей. Не похоже было, что мальчики врут. Уж слишком они серьёзны. Даже Яшка, тот ещё шутник и балагур, нахмурился?!

«Неужели они сошли с ума? – предположила девочка и тут же сама с собой не согласилась: – Да нет?.. Чтобы оба сразу? Здесь что-то другое».

Мальчики, тем временем, продолжали удивлять Солнечного Зайчика. Петюня бережно вынул из коробки пятую букву. Яшка ласково погладил её. Оба друга проявляли небывалую нежность к голубому кусочку пластилина, из которого была вылеплена буква «Д».

– Это особенная буква, – отчего-то шёпотом сказал Петя Ложкин. – Это девочка! Добрая и милая Дзинь-да-да.

– Да, – вздохнул Яшка и мечтательно повторил за Петюнькой странное, но очень красивое имя: – Дзинь-да-да!

Машенька закрыла рот рукой, чтобы не дать смешку сорваться с её губ. «Ладно бы девчонки. Они любят давать имена игрушкам. Но мальчики? – думала она. – Это, по крайней мере, странно».

Прежде чем спрятать коробку под подушку (чтобы не увидела Галина Сидоровна, а то отберёт), Маша по очереди потрогала пальцем каждую букву.

– Абра-ар, Бурундун, – начала перечислять она их имена, чтобы запомнить, – Вьюга-вьюн, Гагатун и ...

– Тише! Тише! – замахали руками, будто отгоняли мух, мальчишки.

– Дзинь-да-да, – назвала пятое имя девочка, не поняв, чего от неё хотят.

Мальчики притихли и испуганно оглянулись. Петюнька подбежал к окну. Яшка заглянул под Машину кровать.

– Вы что-то ищете? – опешила Машенька. – Да что это сегодня с вами?

Яшка поправил покрывало на кровати, вытер рукавом пиджамы вспотевший лоб. К нему подошёл совсем огорошенный Петюнька, который не высмотрел ничего интересного за окном.

– Фу-ух, кажется, на этот раз пронесло, – пропищал Ермолаев. – Только не пойму, почему?

– Наверное, ещё не время для сказки, – сделал вывод Петюня, задумчиво потирая подбородок. – Это Машенькина сказка. Не наша с тобой, Яша. Ей, сказке, виднее, когда начаться.

Вконец заинтригованная, Маша всплеснула руками.

– Ну вы меня доконаете сегодня, – надула губки девочка. – Хоть намекните, о какой сказке идёт речь?

– Ах, Антресолия! – закатил глаза Ермолаев. – Страна, где живут забытые желания, фантазии и мечты.

– Есть ещё Трельяжное Королевство, – добавил от себя Петюня и вдруг смутился, – то есть было... Я его нечаянно разрушил...

– А кто там жил? – искренне поинтересовалась Маша.

– Тоже забытые желания, но только злые, – охотно ответил Петя. – Да-да, и такие бывают.

– И где они теперь? – в один голос спросили Яшка с Машей.

– Не знаю, – пожал плечами Петюнька. Он действительно не знал.

– Почему вы до сих пор не в своих кроватях?! – возмутилась строгая Галина Сидоровна, которая стояла в дверях, подбоченившись. – Сами не спите и другим спать не даёте своей болтовнёй. А ну-ка, марш в кровати! У нас тихий час!

Мальчишки, которых застали на горячем, нырнули под свои одеяла. Машенька повернулась набок, засунула под подушку ладошку, нащупала коробку, царапнула ногтем по картону. Её распирало любопытство. Уж больно необычны были рассказы друзей. Если бы только Яшка нёс всю эту нелепицу, Маша не поверила бы. Ни за что! Но Петюнька... Он другой. Он обманывать не станет.

– Абра-ар, Бурундун, Вьюга-вьюн, Гагатун, Дзинь-да-да, – шёпотом, уже засыпая, назвала малышка буквы по их волшебным именам.

– Алпчи-чхи-чхи! Аллергия! – разобрало кого-то под подушкой.

Но Машенька не услышала этот слабенький голосок, поскольку спала. Как и у папки, сон у неё был крепкий, Журавлёвский.

Глава 5. Скрип, скрип... Помоги!

Вечером родители запаздывали. Почти всех ребят разобрали. Остались только Вовка Заречный, пуляющий мячом по забору, и Машенька, которая, понуриив голову, сидела на краю скамейки и носком лакированной красной туфельки ковыряла песок. Рядом с ней лежала коробка с пластилиновыми буквами.

Вовка, злой, что о нём опять забыли, слишком сильно ударил ногой по мячу, перебросил его через забор, на улицу. Отбив чечётку на пыльном асфальте пешеходной дорожки, мяч выкатился на проезжую часть, где на него мчалась, не ожидая подвоха, зелёная легковушка. Вовка, повиснув на воротах, испуганно ахнул. Машенька вскочила, опрокинув коробку, подбежала к Вовке, схватила его за ногу, чтобы не упал.

– Ахуратс! – хриплым голосом крикнул кто-то с той стороны улицы.

На дорогу выскочила большая чёрная собака, уже знакомая Маше, только по кличке Черныш. Собака изловчилась, клацнула зубами, поймав мяч, и в один прыжок очутилась у шатающихся под весом Вовки ворот. Два напуганных, забытых взрослыми ребёнка встречали её изумлёнными взглядами.

– Молодец, Черныш! Молодец, девочка! – хвалил любимицу белоглазый старик, потихоньку ковыляющий вдоль детсадовского забора к воротам.

Собака выпустила мяч, завиляла хвостом, гордая, что её похвалил хозяин.
– Хы-хы, – приснул со смеху Вовка, отошедший, наконец, от испуга, – какой же это Черныш, если это девочка?

– Да, и что такое «ахуратс»? – поинтересовалась Машенька. – На каком это языке? Это команда такая? Что-то вроде «фас»?

Старик гладил собаку, чесал её за ухом, при этом хитро щурился и улыбался.

– Дедушка? Ну так всё же? – пристала к нему Маша. – Дедушка?

– Потом узнаешь, – загадками ответил старик и, охая да кряхтя, нагнулся, поднял мяч, забросил его в детсадовский двор.

Жутковатые белые глаза упёрлись взглядом в коробку, которая лежала возле скамейки. Картонная крышка приоткрылась. Разноцветные пластилиновые буквы вывалились из коробки прямо в песок. Выгнув то место, где должна быть правая бровь, старик радостно воскликнул:

– Абра-ар, Бурундун?!

– Вьюга-вьюн, Гагатун, – машинально продолжила Машенька и осеклась.

– Дзинь-да-да! – закончил старик и счастливо улыбнулся. – Значит, ключ уже у тебя. Сказка началась раньше, нежели я предполагал. На то воля Хранителя.

Вовка непонимающе крутил головой, поглядывая то на девочку, то на чудика белоглазого. Он забыл и о мяче, и о воротах, на которых по-прежнему висел, будто мешок с картошкой.

– Но откуда вы?.. – вырвалось у Маши.

Старик прервал её громким «тс-с-с!».

– Это тайна, – заговорческим шёпотом сказал он и кивнул в сторону Вовки, который слушал, открыв рот. – Его черёд ещё настанет. Не сейчас... Потом.

– Эй, почтеннейший, вам что-то нужно? – крикнула с крыльца Галина Сидоровна, которая таки соизволила вспомнить о двух малышах во дворе, оставленных без присмотра. – Я что-то вас не припомню?.. Эй, проходите мимо, иначе я вызову милицию!

Старик сразу сник, повернулся было, чтобы уйти, но потом передумал, прильнул сморщенным лицом к решётчатым воротам, бросил на Машеньку взгляд – как показалось девочке, умоляющий.

– Помогите, помогите мне, – вдруг попросил он, ухватившись обеими руками за кованые прутья, отчего ворота зашатались сильнее, а бедный Вовка что есть силы запищал.

– Эй! Эй-эй! Что вы делаете?! – возмутилась воспитательница и решительным шагом направилась к воротам.

Мелкий гравий, которым была усыпана дорожка, угрожающе шуршал под её новенькими туфлями на высоких каблуках. Старик щёлкнул языком. Левый каблук застрял в гравийной крошке и сломался.

– Уй-уй, – слышались жалобные всхлипы воспитательницы.

Маша с Вовкой, которому удалось отлепиться от ворот, поспешили к ней.

– Помогите! – отчаянно крикнул старик за их спиной.

Девочка остановилась. Она совсем растерялась. Чего хочет от неё этот странный человек? Почему она? Что у них общего? Как может ребёнок

помочь взрослому? Задавая себе эти сложные вопросы, Машенька обернулась. Хлипкие ворота всё ещё шатались и жалобно плакали: скрип, скрип... Старика же и след простыл. Исчезла также собака. Скрежет заржавевшего железа ранил сердце малышки. Ей почему-то подумалось, что это не ворота стонут, что это рыдает человек. Уставший, раскаявшийся, несчастный... Как тот белоглазый старик...

Глава 6. Стук в окно

Наступила суббота. Выходной! В детский садик идти не нужно. Это радость для Машеньки и настоящая катастрофа для её мамы, которая всегда ужасно занята. Ей некогда сидеть с дочкой.

– Золотце, – извиняющимся голосом, впрочем, не совсем искренне, подлизывается мама, суя Маше шоколадку, – один часок, хорошо? Я только в парикмахерскую. Туда и обратно. А ты посмотри мультики или раскрась раскраску. Вон книжки у тебя, куклы... В общем, не скучай.

Маша насупилась. Каждые выходные одно и то же: не скучай, на один часок... Да и папка вечно пропадает на своей ВАЖНОЙ работе. Более важной, чем она – Машенька... Надоели мультики, раскраски, книжки и куклы! Надоело всё время играть одной...

Девочка сжала кулачки, взгромоздилась на кухонный подоконник – свой любимый пункт наблюдения. Квартира Журавлёвых располагалась на первом этаже. Все окна выходят во двор с детской площадкой и палисадником. Там никогда не бывает скучно.

Малышке нравилось смотреть в окно, наблюдать за людьми, птицами и животными, за тем, как бурлит за прозрачным стеклом жизнь, как играет она звуками и красками. Теми красками и звуками, которых ей так не хватает. За стеклом, как наивно полагает Машенька, мамы детей не бросают. Даже на часок...

День явно не задался. Небо, будто чувствовало плаксивое настроение девочки, нахмурилось и брызнуло дождём. Похолодало. Стекло покрылось испариной.

– Ну вот, – разрыдалась малышка, – этого ещё не хватало. Даже окно закапризничало. Не хочет показывать мне краски...

Дождик припустил.

– Тук! Тук! Тук! Мы тут, тут, тут! – деловито сообщают упавшие с неба капельки.

Малышка вздрогнула. Уж больно громко барабанил дождь. Тук, тук, тук! Тут, тут, тут!!!

– О боже! Это же кто-то стучит в окно?! – догадалась девочка, отказываясь верить в свою догадку.

Протерев запотевшее стекло ладошкой, она прильнула к нему и сразу же отпрянула – на неё смотрели до боли знакомые глаза сумасшедшего старика.

По-птичьи округленные, белые, будто наполненные молоком, блюдца. От неожиданности Маша свалилась с подоконника, больно ушибла плечо.

Чтобы не слышать стук, который становился всё громче, она закрыла уши руками и, пятась, натываясь то на стол, то на табурет, то на шкаф, покинула кухню. Стук прекратился, чтобы через минуту продолжиться, но уже в соседней комнате – детской, куда вбежала испуганная Машенька. На бегу девочка перевернула оранжевый чемодан из-под старой швейной машинки, которую мама, не интересующаяся шитьём, отдала дочке под игрушки. Чемодан легко распахнулся, кляцнув давно поломанным и, чуть тронь его, открывающимся замочком. Игрушки рассыпались. С громким «тр-р-р!» покатались по полу карандаши. Коробка с пластилином, о которой Маша забыла, с тех пор как положила её в чемодан, выпала вместе с книжками и альбомом для рисования. Не стерпев грубого обращения (в самом деле, сколько можно ронять?), коробка развалилась.

Малышка поскользнулась на карандашах, упала прямо на грудку игрушек. Ей было не до испорченной коробки. Пытаясь встать, она ненарочно хлопнула по ней рукой, отчего картонная крышка совсем сплюснулась.

– Ой?! – расстроилась Маша, заметив, наконец, что натворила. – Это же подарок друзей?.. Ой...Что я наделала?

Будто озадаченное поставленным вопросом, окно умолкло. Стук стих. Капли застыли на стекле. Слой испарины стал гуще. В комнате потемнело.

Машенька сидела в чемодане, стараясь не шуметь. Она ждала, что будет дальше, прислушивалась. Тишина немного успокоила её. Возможно, старик ушёл? Выждав несколько минут, долгих и тягостных, девочка решила – почесала нос. Он давно уже чесался. С Машей часто такое случалось – в самый неподходящий момент начинало что-то чесаться.

Когда страх ослабил хватку и выпустил трепещущее детское сердечко, вернулись неприятные мысли об испорченной коробке и о том, что скажут друзья.

– Что я наделала? Что я наделала? – шёпотом повторяла Машенька, склонившись над коробкой и пальцем пытаясь поддеть то, что недавно было крышкой. – А может, пластилиновые буквы целы? Пусть будут целыми! Пусть будут целыми! Родненькие мои, миленькие... Ну прошу вас... Ну?!

Глава 7. Кто там?

Коробка была пуста. Поначалу Машенька подумала, что буквы выпали и затерялись где-то в игрушках.

– Если это так, то не беда, – успокоила себя девочка и осторожно, не спеша, чтобы не повредить пластилиновые фигурки, принялась разгребать цветную

кучу, составленную из карандашей, фломастеров, книжек-раскрасок, куколок и пластмассовых деталек от разных конструкторов.

Одну за другой она вытягивала из общего беспорядка игрушки, разглядывала их, проверяя, не налип ли пластилин, и складывала в другую кучу. На все эти «раскопки» ушло достаточно много времени, ведь «добра» у Солнечного Зайчика за шесть лет накопилось немало. К тому же Маша не могла удержаться от соблазна полистать мимоходом книжечку, расчесать волосы куколкам или из листа цветной бумаги сложить самолётик. Малышка очень старалась не упустить из виду что-либо интересное. Она внимательно осмотрела и ощупала дно чемодана, ковёр, полезла под стол, там похлопала ладошкой, заглянула в щёлку между кроватью и полом. Буквы как будто сквозь землю провалились...

– Но этого не может быть?! – пожалала плечами девочка. – Никак не может быть. Не могли же они сами выбраться из коробки и уйти? Это же пластилин? Всего-навсего пластилин?

– А-апчи, – чихнул кто-то совсем рядом, на подоконнике.

Испарина на окне расплылась, изобразив улыбку. Капельки, словно бриллианты, блестели, играя лучиками. И это несмотря на по-прежнему хмурое небо, по которому лениво дрейфовали тёмно-фиолетовые пузатые тучи. Улыбающееся окно, казалось, хотело показать Машеньке, что не надо бояться, и девочка, нервно сглотнув, решила, что не станет трусить. Далось это решение ей нелегко. В данной ситуации и взрослый вполне мог испугаться. Что уж говорить о ребёнке, который сам дома?..

На цыпочках, боком Маша подкралась к окну. Широкий подоконник был сплошь заставлен большими и маленькими, белыми и коричневыми цветочными горшками. Цветы, эта мамина слабость, стояли также на застеленном красной скатертью столе и низком журнальном столике, на телевизоре, на шкафу, на полу, висели на стене. В этом пышном зелёном оазисе, терпко пахнущем землёй и листьями, вряд ли мог притаиться кто-то, кто мог бы чихать. Тем не менее, под большим гладко-глянцевым листом растения, похожего на лилию, безудержно чихали, а также сморкались, всхлипывали, бормотали, смеялись и поддакивали. Лист слегка вздрагивал. Под ним явно кто-то копошился. И этих кого-то, судя по разным голосам, было несколько.

– Кто там? – тихонько спросила малышка. – Кто там чихает и копошится?

– Апчи, – опять чихнули и затем жалобно добавили: – Аллергия на пыльцу...

Девочка замерла. Ей было страшно – это правда. Как правда и то, что любопытство сильнее страха, о чём знает каждый ребёнок. Поэтому Машенька, глубоко вдохнув, протянула руку к цветочному горшку.

«Только одним глазком взгляну, – думала она. – Если загадочные болтуны поместились под листом, значит, они очень махонькие. Где им справиться с девочкой моего роста?»

Профессор АБРА-АР

БУРУНДУН

ВЬЮГА-ВЬЮН

Резким движением, пока не передумала быть храброй, Маша раздвинула листья. На неё смотрели, кто радостно, кто вопрошающе, кто восхищённо, кто оценивающе, а кое-кто и вовсе возмущённо, пятеро миниатюрных, размером с мизинчик, человечков. Все они сидели на краю широкой расписной тарелки, в которой разместился цветочный горшок.

– Ой, – изумилась девочка, – а вы кто?

– Ах, сударыня... Апчхи! Позвольте представиться! Профессор Абра-ар! – первым опомнился человечек в очках, с виду вылитый умник и чистюля: серая шляпа, элегантный плащ, белоснежная рубашка, штаны на подтяжках и галстук.

– Б-б-бурундун, – заикаясь, представился второй человечек – полная противоположность первому. Старые потёртые джинсы, засаленная клетчатая рубашка, бейсболка в пятнах и абсолютное отсутствие какой-либо обуви на грязных ногах говорили Машеньке, что перед ней неряха.

Девочка поморщилась, поскольку не любила грязнень. И всё-таки кое-что из гардероба Бурундуна ей понравилось: длинный шарф и зонтик весёлой жёлто-зелёной расцветки. Они напомнили Маше весеннюю полянку, покрытую одуванчиками.

– Вьюга-вьюн, – горделиво сложив руки на груди, назвал своё имя третий гость на подоконнике.

Спортивный костюм, наполовину зелёный, наполовину бордовый, и повязка-косынка на голове наводили на мысль, что Вьюга-вьюн занимается спортом. «Наверное, бойцовским искусством?

– предположила малышка, оценив его гибкую, стройную фигуру. – Как в тех кино, где дяденьки дерутся со смешным «ий-я-я!». Точно, точно!»

Четвертый гость из волшебной пятёрки с невероятно огромным носом, румянцем и улыбкой от уха до уха, в несуразном, аляповатом наряде, расшитом бубенцами, и колпаке с большущим помпоном был похож на клоуна. Он всё время

гримасничал, дёргался и смеялся, будто его щекотал кто-то под одеждой.

– Га-га-га! – залился смехом носатый человечек и картинно, словно актёр перед камерой, переброшил через плечо широкий шутовской плащ. – Гагатун я! Гагатун!!!

Машенька и себе засмеялась. Смех, как и зевота, заразителен. Страх окончательно отступил. Малышка приблизила лицо к подоконнику, чтобы

лучше рассмотреть гостей. Их забавные имена были ей уже знакомы по рассказам друзей – Петюньки с Яшкой. Так мальчишки называли пластилиновые буквы. А ещё Маша вспомнила, что пятой буквой должна быть девочка с очень красивым именем.

– Дзинь-да-да! – весело сказала малышка, указав пальцем на милую фигурку в роскошном сине-розовом наряде, достойном принцессы.

Юбка-колокольчик, балетные туфельки с лентами, кулончик на тонкой шее, диадема в кудрявых каштановых волосах, ниспадающих до колен, – бесспорно, последняя буква была самой красивой, самой яркой, самой эффектной! Машенька поняла теперь, почему мальчишки так восторженно закатывали глаза, рассказывая о Дзинь-да-да. Сердце малышки даже кольнула ревность... Совсем чуть-чуть и ненадолго.

Дзинь-да-да легко вскочила с края тарелки, служившей скамейкой, поправила пышную колышущуюся юбку и, будто собиралась делать зарядку, расставила ножки, изобразив ножницы. Правую ножку она поставила на носок, левую слегка согнула в коленке, затем левую на носок, правую согнула. При этом улыбающаяся головка наклонялась то в одну, то в другую сторону.

– Дзи-и-инь! – нежно запела, словно колокольчиком зазвенела, девчушка. – Да-да! Дон-ди-да! Да-ду-ди-да! Дзон!

«Это приветствие такое», – сделала вывод Маша и захлопала в ладоши. Ей определённо нравилась гостья. Такую милашку сложно было не полюбить.

– Так-так, – размышляла вслух девочка, любясь своими новыми знакомыми, – значит, друзья меня не обманывали? Значит, буквы действительно волшебные?! И никуда они не пропали – просто превратились в человечков!

Вспомнив о белоглазом старике, Маша инстинктивно нагнулась, чтобы её не было видно из окна.

– Как я о нём забыла? – прошептала девочка побелевшими от страха губами. – Он, наверное, всё ещё стоит там? Смотрит сейчас на меня? Ой-ой...

Тук, тук, тук – словно в подтверждение слов Маши, постучали в окно с улицы. Буквы-человечки, все разом, подбежали к стеклу и прильнули к нему, высматривая, кто это там стучит. Запотевшее окно пустило слезу на их любопытные головы. Буквы, увлечённые чем-то, не обращали внимания на душ. Даже Бурундун не вспомнил о своём зонтике, который валялся без дела возле тарелки.

ГАГАТУН

ДЗИНЬ-ДА-ДА

Глава 8.

Явление Хранителя, или Временный пропуск

– Что там? Кто там? Это он? Это он там? Да? Он? – спрашивала Машенька, обводя встревоженным взглядом волшебных человечков.

Буквы молчали. Но по их взволнованному виду девочка поняла, что они напуганы и удивлены не меньше, чем она. Абра-ар всё время качал головой и пожимал плечами. Бурундун тёр кулаком глаза, не веря в то, что видит. Вьюгавьон задумчиво чесал затылок. Гагатун засунул в рот свой колпак, как раз пыльным помпоном, и жевал его. Дзинь-да-да, по-девчачьему ойкнув, закрыла лицо обеими ладошками.

С той стороны в окно заглядывал старик. На стекле проявилось его сплющенное, умоляющее лицо. Маше даже стало жаль безумца, который явно просил её о помощи. Уже не в первый раз просил. Старик что-то говорил, но его не было слышно. Сердитый ветер, будто нарочно, уносил слова прочь. Отчаявшись, незнакомец хлопнул ладонью по стеклу. Испарина сразу же облепила её, осев на запястье старческой руки в виде серебристого наручника. Как ни старался, старик не мог отлепить от стекла руку, которой он так неосторожно размахивал. Испарина тем временем стусилась в волчью морду, разинула пасть, готовясь проглотить голову несчастного, которая тоже приклеилась к окну.

– Ну нет! – крикнула Машенька. – Я не позволю здесь глотать!

Волк, буквы и старик недоумённо посмотрели на девочку. Маша и сама не могла поверить в то, что осмелилась так кричать. В самом деле, какое ей дело до старика, который только и делал, что пугал её в последнее время? С другой стороны, если хорошо подумать, этот странный человек с белыми глазами и чёрной собакой, его неизменной спутницей, не сделал ничего плохого Машеньке. Наоборот, он спас Вовкин мячик.

– Человеческий детёныш заступает за павшего колдуна, изгнанного из сказок? – строго спросил волк. – Каковы аргументы?

– Я... Я не знаю... – пробормотала Маша. – Но мне кажется... Я чувствую, что человек, голову которого вы так хотите проглотить, хороший!..

– Ну почему? – хором спросили волк и буквы.

Машенька рассердилась.

– Разве того, что подсказывает мне сердце, недостаточно? – она насупила брови.

– Разве всё объяснишь? Он хороший! Я это точно знаю. Он искренне привязан к своей собаке. Это раз! Дурной человек не способен жалеть и любить животных. Он не позволил машине переехать мяч. Это два! Это хороший поступок. Ведь так? Ведь так?

Волк моргал звёздчатыми глазами и выдувал из ноздрей клубы серебристого пара, который, оседая на стекле, расплывался в улыбке. Множество весёлых

рожиц, таких же, как в зеркале в ванной, смеялись, поддерживая девочку. Волк смягчился и тоже улыбнулся, не в силах противиться общему улыбчивому настроению.

– Ты хоть знаешь, с кем разговариваешь, девочка? – уже миролюбиво спросила голова, слепленная из пара.

Машенька отрицательно покачала головой. Откуда ей знать?

– Я, – гордо вскинул голову волк, вернее, голова сама вскинулась, поскольку туловища в окне не было видно. – Я – Хранитель утраченной веры в чудо. Я – Ключник, отворяющий двери в сказку перед теми, кто достоин этого, кто чист душой, и затворяющий перед недостойными. Колдун Сморчок, за которого заступилась земная девочка, в своё время натворил много зла. Он чуть было не стёр Границу Междумирья, чуть было не нарушил Всесказочный баланс... Сама Антресолия, розовая страна забытых желаний, едва не погибла тогда. Сморчку веры нет. Он изгнан из сказок. На сердце его клеймо предателя.

На этом месте волк вынужден был прерваться, поскольку буквы заохали и заахали, вспоминая события прошедших дней. Видно, не совсем приятные. Выждав, пока человечки успокоятся, Хранитель продолжил:

– Колдун Сморчок заслужил кару. Он недостойн жалости. Как недостойна её и собака, которую якобы зовут Черныш. Довожу до сведения человеческого детёныша, что под личиной животного спряталась Тень по имени Ахуратс. Тень погибшей Старухи – злейшей и коварнейшей колдуньи, которую когда-либо знали сказки. Это само зло! Надеюсь, после сказанного мной девочка всё обдумает и изменит своё решение?

Все взгляды устремились на малышку, которая чувствовала себя уже не так уверенно. Причин не верить Ключнику, которого к тому же поддерживали буквы, у Маши не было. И всё же... И всё же чистое сердце ребёнка вопреки доводам разума подсказывало ей, что безумный старик нуждается в её помощи, что он достоин, что он хороший.

Машенька улыбнулась, чем очень удивила волка. Эта её улыбка, нежная и тёплая, была адресована старику, который не сводил с неё глаз, грустных и измученных.

– Я заступаюсь за человека, которого вы называете колдуном Сморчком, – медленно, делая паузы между словами, сказала девочка. – Я уверена, что он хороший. И собака его, как бы её ни звали, хорошая.

Где-то за окном радостно залаяла Ахуратс-Черныш. Буквы тяжело вздыхали. Им сложно было смириться с решением человеческого детёныша.

– Ну что же, – сощурил глаза Ключник, – мы учли мнение человека. Маленькая девочка доказала нам, что сердце у неё действительно ЧИСТОЕ. Но заступничества ребёнка мало, чтобы колдун получил амнистию. Прощение Сморчок заслужит лишь тогда, когда за него заступятся буквы. Все тридцать три буквы волшебного алфавита.

Человечки на подоконнике вдруг с завидным энтузиазмом принялись изучать свою обувь, у кого какая она была. Разве что, Бурундун, с роду не

обувавшийся, увлечённо рассматривал потолок. Буквы усиленно делали вид, что не понимают, чего хочет от них Хранитель.

Волчья голова опустилась вниз, к самому подоконнику, дыхла на человечков паром.

– Начнём с вас? – не столько спросил, сколько приказал Ключник.

Первым, как и положено букве «А», с которой начинается алфавит, подал голос Абра-ар:

– А-а-а... Ах... Надо доверять Чистому Сердцу. Я согласен с девочкой. Надо дать шанс Сморчку.

– Да-да-да! – горячо выкрикнула буковка «Д». – Мы должны! Мы обязаны поддержать девочку! Мы должны поверить Сморчку. Где-то в глубине его души, хоть и трудно это представить, живёт лучик добра. Да-да-да!

– Вай, не верю, – скептически заявил Вьюга-вьюн и демонстративно отвернулся, сложив руки на груди.

Больше он ничего не сказал, зато начал бубнить, ужасно заикаясь, Бурундун:

– Б-б-бардак! Б-б-беспредел! Он же б-б-бандит?! Разве можно верить б-б-бандитам? Кто предал раз, предаст и дважды... Я против! Категорически против! Б-б-беспорядок...

– Хватит! Мы поняли уже! – рыкнул на него волк и переключил внимание на букву «Г», которая отмалчивалась. – Господин Гагатун? Просим вас!

Гагатунчик неуверенно переминался с ноги на ногу. Во рту он по-прежнему, словно соску, держал свой цветастый колпак. Заметив, что на него все смотрят, ожидая ответа, Гагатун выплюнул помпон и соизволил, наконец, что-то сказать. Правда, весьма невразумительное.

– Г-г-га... – то ли хохотнул, то ли сглотнул Гагатун.

– Что-о-о? – нахмурился Ключник.

Буквы «Б» и «В» подавали знаки другу, пытаясь его таким образом переманить на свою сторону: подмигивали и махали Гагату, строили рожицы и даже зачем-то чесали верхнюю губу. Абра-ар нервно протирал очки. Дзинь-да-да подалась корпусом вперёд и сложила ладошки лодочкой, умоляя Гагатунчика быть милосердным. Чары красавицы подействовали на букву «Г» эффективнее, нежели кривляния Вьюна с Бурундуном, поэтому решение Гагатунчика было следующим:

– Га-га-га! Надо простить старика. С кем не бывает? Каждый из нас может оступиться. Га!..

Вьюга-вьюн разочарованно показал другу кулак. Бурундун раскрыл зонтик и спрятался под ним, не желая больше кого-либо видеть. Из-под зонта доносился монотонный бубнёж:

– Б-б-бардак... Б-б-беспредел... Б-б-беспорядок...

Волк широко открыл пасть, зевнул, громко клацнув зубами. Ему надоели эти споры.

– Значит, так, – сделал вывод Ключник. – Три голоса «за» и два «против». Плюс человеческий детёныш ручается за падшего. Решением большинства Сморчок получает временный пропуск в сказки. Временный! Пока не заручится

поддержкой всего алфавита. В противном случае колдун Сморчок лишится своей головы, а Тень по имени Ахуратс будет сослана на Солнце. Девочка же как официальный поручитель отправится вместе с колдуном в путешествие по сказкам. Всё! Я всё сказал. Точка.